

Смоленская областная библиотека
для детей и молодёжи имени И.С. Соколова-Микитова

«СВЕТЛЫЕ СТРАНИЦЫ»

Методико-библиографические
рекомендации по работе с книгой
И.С. Шмелёва «Лето Господне»

2019

ББК 78.39

С 24

Светлые страницы: методико-библиографические рекомендации по работе с книгой И.С. Шмелёва «Лето Господне» / ГБУК «Смоленская областная библиотека для детей и молодёжи» ; сост. Е.В. Маллер ; ред. В.С. Матюшина ; техн. ред. Е.Б. Саидова ; отв. за выпуск С.А. Петрищенкова. – Смоленск, 2019. – 24 с.

Пособие содержит сценарий литературного путешествия в прошлое, основанный на книге И.С. Шмелёва «Лето Господне». Может быть использовано для изучения творчества писателя, при подготовке мероприятий, посвящённых православным праздникам, истории русского языка, утраченным традициям и профессиям. В приложении даны словарь старинных слов и выражений и видеопрезентация.

первопуток – первый зимний путь по свежему снегу.
(*Толковый словарь Ожегова*)

плотник – рабочий, занимающийся простой обработкой дерева, постройкой деревянных зданий. (*Толковый словарь Ожегова и Шведовой*)

плотогон – рабочий, сплавающий лес в плотах, сплавщик. (*Толковый словарь Ожегова и Шведовой*)

пригорошня – ладонь или обе ладони, сложенные горстью. (*Толковый словарь Ожегова*)

пролётка – легкий открытый четырехколесный двухместный экипаж. (*Толковый словарь Ушакова*)

Спас – название трёх летних праздников, посвящённых Иисусу Христу (Спасителю). Медовый Спас. Яблочный Спас. Спас Нерукотворного образа (в память о перенесении в Константинополь холста с отпечатлевшимся на нём ликом Иисуса Христа). (*Толковый словарь Ожегова и Шведовой*)

филигранный – очень тщательный, требующий особенного внимания к мелочам и деталям. (*Толковый словарь Ожегова и Шведовой*)

христосоваться – у православных: троекратно целоваться, поздравляя друг друга с праздником Пасхи, говоря при этом: «Христос воскрес! – Воистину воскрес!» (*Толковый словарь Даля*).

«Лето Господне» И.С. Шмелёва – книга для семейного чтения. Её лучше всего читать в добрых старых традициях – вечерами, вслух, на пользу не только детям, но и самим родителям, главу за главой.

К сожалению, сегодня традиции семейного чтения постепенно утрачиваются, однако детская библиотека продолжает оставаться тем островком, где ещё пытаются их сохранить.

Предлагаем вашему вниманию сценарий литературного путешествия в прошлое по книге И.С. Шмелёва «Лето Господне». Выбранная форма позволяет сочетать элементы комментированного чтения с обсуждением, работой со словарём и видеорядом, что способствует развитию познавательных и творческих способностей детей. Кроме того, содержательная, духовно наполненная проза И.С. Шмелёва таит в себе огромные воспитательные возможности. Сценарий может быть использован как в полной форме, так и фрагментарно при подготовке мероприятий, посвящённых православным праздникам, истории русского языка, забытым профессиям.

Надеемся, что данное пособие поможет пробудить у читателей интерес к России, её традициям и языковой культуре. Пособие снабжено приложением, которое включает словарь старинных слов и выражений и видеопрезентацию.

«Светлые страницы»

Методико-библиографические рекомендации
по работе с книгой И.С. Шмелёва «Лето Господне»
для читателей среднего школьного возраста

Библиотекарь: Ничто в жизни не может оставаться неизменным. Появляются новые технические изобретения, и вместе с ними меняется быт людей, их привычки, занятия и развлечения, меняется одежда и даже язык. Некоторые вещи остаются только в музеях, в памяти старожилов и на страницах книг. Как вы думаете, дети, нужно ли сохранять память о прошлом? Для чего? *(ответы детей)*

Библиотекарь: Когда мы интересуемся тем, как жили люди в прежние века, мы соприкасаемся с историей и культурой своей страны, а это очень важно – только так можно сохранить связь между поколениями и причастность к народным традициям.

Среди писателей прошлого века, сумевших ярко запечатлеть картины русской жизни конца XIX века, особое место занимает Иван Сергеевич Шмелёв. *(Слайд 1)* Сегодня мы познакомимся с его замечательной книгой «Лето Господне». *(Слайд 2)* В ней писатель вспоминает своё детство, которое прошло в Замоскворечье. Этот район расположен в излучине реки Москвы, на правом её берегу, недалеко от Кремля. Родовое гнездо Шмелёвых – дом на Большой Калужской улице. Его построил прадед писателя Иван Иванович после пожара 1812 года. Много было пережито здесь событий, получено впечатлений – и

– Ну, конечно, впустят. Скажут: ну и вы входите, нынче Рождество!»⁸.

Библиотекарь: Ребята, расскажите, как празднуют Рождество в вашем доме. Есть ли у вас в семье любимые совместные занятия или игры? Какие семейные праздники вы любите больше всего? Почему? *(ответы детей)*

Словарь старинных слов и выражений

Архангел (церк.) – первенствующий, высший по степени ангел. *(Толковый словарь Даля)*

водолив – тот, кто выливает или откачивает воду на несамоходном речном судне. *(Толковый словарь Ефремовой).*

закладать, закласть, закладывать – запрягать лошадей. *(Толковый словарь Даля)*

каменщик – рабочий, специалист по кирпичной, каменной кладке. *(Толковый словарь Ожегова и Шведовой)*

коленкор – сильно накрахмаленная или пропитанная особым составом хлопчатобумажная ткань одноцветной окраски, употребляемая в настоящее время преимущественно для книжных переплётов. *(Толковый словарь Ефремовой)*

кровельщик – рабочий, занимающийся настилом и ремонтом крыш. *(Толковый словарь Ожегова и Шведовой)*

ногавки – род чулок на ногах у лошадей как предохранение от засекания подковами. *(Толковый словарь Ефремовой)*

⁸ Шмелёв И.С. Рождество // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 120-124.

– Как у нас?

– Нет, здесь тычинки. У нашей ёлки... как отогреется, расправит лапы, – чаща. На Театральной площади, бывало, – лес. Костры горят. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в ёлках: «Эй, сладкий сбитень!».

– Что это – сбитень?

– А такой горячий, в самоварах, лучше чая. С мёдом, с имбирем, – душисто, сладко! стакан – копейка.

В Сочельник, под Рождество, – бывало до звезды не ели. А ночью... идёшь из церкви. Посмотришь в небо, где та звезда, что пастухам являлась? Смотришь, смотришь – и думаешь: «Волсви же со звездой путешествуют!...».

– Волсви?

– Мудрецы, значит, волхвы. А, маленький, я думал – волки. Тебе смешно? Да, добрые такие волки, – думал. Звезда ведёт их, а они идут, притихли. Маленький Христос родился, и даже волки добрые теперь. Даже волки рады. Правда, хорошо ведь? Хвосты у них опущены. Идут, поглядывают на звезду. А та ведёт их. Вот и привела. Ты видишь, Ивушка?

– Нет...

– А ты зажмурься... Видишь – кормушка с сеном, светлый-светлый мальчик, ручкой манит?...

– И волков?

– Да, и волков. Вот они подходят. Смотрят, а войти боятся.

– Почему боятся?

– А стыдно им... злые такие были.

– А их впустят?

радостных, и печальных. К сожалению, сегодня нет уже этого дома, так же как нет и шмелёвской Москвы, и шмелёвской России, и только картины русских художников сохранили для нас атмосферу той старой русской жизни. *(Слайды 3-5)*

Ребята, как вы думаете, можно ли создавать картины не красками, а словами? Да, это возможно, дар искусного владения словом, каким обладал Иван Сергеевич Шмелёв, способен творить чудеса. Когда открываешь книгу «Лето Господне», начинается волшебство – вдруг перед глазами возникают картины прошлого, наполняются деталями, красками, запахами, голосами – и вот уже мы снова в старом купеческом доме и можем посмотреть, какой жизнью он живёт. *(Слайд 6)* Давайте постоим перед домом и прислушаемся. Закройте глаза и подумайте, какие звуки мы можем услышать. Может быть, шум проезжающих машин? Нет. Звуки телефонных мелодий? Нет. Электронные сигналы светофоров? Тоже нет. Вместо них совсем другие, не привычные нашему уху звуки – фыркание и топот лошадей, лай собак, чириканье воробьёв, пытающихся утащить из-под лошадиных морд зёрнышки овса, разноголосые крики извозчиков. Ребята, вы знаете, кто такой извозчик? А извозчик и ямщик – это одно и то же, как вы думаете? *(ответы детей)*

Библиотекарь: Давайте попробуем найти ответы на все эти вопросы вместе. В старой России существовало много профессий, связанных с лошадьми. До того, как появились машины, лошадь была верным и надёжным помощником

человека в его тяжёлом труде. В деревне без лошади нельзя было вспахать и засеять поле, убрать урожай, заготовить на зиму дрова, сено для скота. Да и в городе без лошади не обойтись. Представьте себе, вам нужно попасть в другой конец города или переправить тяжёлый груз, а нет ни автобуса, ни грузовика, ни такси. Нет, потому что ещё не изобрели. А поездки на большие расстояния в другие города и области? Как же люди обходились без поездов? Конечно, это трудно себе представить, но поверьте, долгое время все эти замечательные и полезные изобретения заменяли извозчики и ямщики. Первые выполняли свою работу в городах, а вторые колесили по всей России, доставляя на станции не только пассажиров, но и почту. Про эти старые, очень нужные людям профессии много написано в литературе XIX века. (*Слайды 7-8*) Образ ямщика часто встречается в русских народных песнях: «Вот мчится тройка почтовая», «Ямщик, не гони лошадей», «Степь да степь кругом». Эти, по большей части, грустные песни рассказывают о горькой доле человека, лишённого домашнего тепла, терпящего холод, голод и дорожные неурядицы и зачастую рискующего собственной жизнью при выполнении повседневного тяжкого своего труда.

Возницы в городе не подвергались таким опасностям, как метель и мороз в глухой степи, нападение волков или лихих людей в лесу, бездорожье и безлюдье. Поэтому работа извозчика считалась более лёгкой и безопасной. (*Слайд 9*) Извозчики подразделялись на несколько категорий: «ваньки», ломовые и лихачи. Те, которые в просторечье

Библиотекарь: Иван Сергеевич Шмелёв писал свою самую солнечную книгу «Лето Господне» в конце жизни. А жизнь его сложилась очень трудно, ещё в детском возрасте ему пришлось пережить смерть любимого отца. Затем ужасы революции и Гражданской войны, страшная трагедия – потеря единственного сына, эмиграция – всё это превратило живого, подвижного, добродушного человека в печального, измученного старика. (*Слайд 26*) Светлые воспоминания детства были единственной радостью, согревавшей душу писателя до последних дней его жизни. В далёкой чужой Франции, где и зимы-то настоящей не бывает, он вдохновенно рассказывал своему маленькому племяннику Ивушке о снежной, прекрасной, благодатной русской зиме и её главном празднике – Рождестве Христовом. (*Слайд 27*)

Чтец: – Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну, что же... Не поймёшь чего – подскажет сердце.

Как будто, я такой, как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он – редко, выпадет и стаял. А у нас, повалит, – свету, бывало, не видать, дня на три...

Наше Рождество подходит издалека, тихо. Увидишь, что мороженных свиней подвозят, – скоро и Рождество. Шесть недель постились, ели рыбу. Зато на Рождество – свинину, все. Мясник, бывало, рубит топором, кусок отскочит, хоть с полфунта, – наплевать! Нищий подберет. На, разговейся!

А какие ёлки! Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, – лес ёлок.

земли, так мягко. Хочется потрусить и мне, хочется полежать на травке, но только нельзя: костюмчик. Пахнет, как на лужку, где косят. И на воротах наставлены берёзки, и на конюшне, где медный крест, и даже на колодце. Двор наш совсем другой, кажется мне священным. Неужели зайдёт Господь во Святой Троице?

Мы идём все с цветами. У меня ландышки, а в середине большой пион. ...В церкви зеленоватый сумрак и тишина, шагов не слышно, засыпано всё травой. И запах совсем особенный, какой-то густой, зелёный. Даже немножко душно. ...Лики икон, в берёзках, кажутся мне живыми – глядят из рощи. Берёзки заглядывают в окна, словно хотят молиться. Везде берёзки: они и на хоругвях, и у распятия, и над свечным ящиком-закутком, где я стою, словно у нас беседка.

...Это не наша церковь: это совсем другое, какой-то священный сад. И пришли не молиться, а на праздник, несём цветы, и будет теперь другое, совсем другое, и навсегда. И там, в алтаре, тоже – совсем другое. Там, в берёзках, невидимо, смотрит на нас Господь, во Святой Троице, таинственные Три Лица, с посошками. И ничего не страшно. С нами пришли берёзки, цветы и травки, и все мы, грешные, и сама земля, которая теперь живая, и все мы кланяемся Ему, а Он отдыхает под берёзкой. Он теперь с нами, близко, совсем другой, какой-то совсем уж свой. И теперь мы не грешные»⁷.

⁷ Шмелёв И.С. Троицын день // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 106-107.

именовались «ваньками», брали за проезд от 30 до 70 копеек. *(Слайд 10)* Так зарабатывали себе на жизнь бывшие деревенские жители, обедневшие и перебравшиеся в город. Ни лошади своей, ни коляски они не имели и вынуждены были их арендовать. Без особого шика «ваньки» перевозили малообеспеченных людей, богачи же любили прокатиться на «лихачах». *(Слайд 11)* Эти извозчики брали по 3 рубля, но зато и лошади у них были красивые, коляски удобные, а сами они держались бойко и молодцевато, стараясь угодить своим богатым клиентам. Были ещё «ломовики», перевозившие грузы на лошадях-тяжеловозах. *(Слайд 12)*

В книге «Лето Господне» автор часто говорит о лошадях, и это не случайно. Отец писателя был родом из крестьян, с 15 лет работал, знал, что такое тяжёлый физический труд. Всю жизнь он занимался строительными подрядами – собрал артель плотников и брал заказы на строительство домов, мостов, устройство иллюминации и увеселительных балаганов в праздничные дни. Дом, в котором вырос маленький Ваня, – это не просто помещение, это целый мир, наполненный ежедневной шумной, созидательной работой. Это, в первую очередь, двор с многочисленными хозяйственными постройками – сараями, амбарами, конюшнями. Это постоянные хлопоты и оживлённая жизнь возле реки. *(Слайд 13)* Позднее в своей автобиографии писатель назовёт этот двор «школой жизни»: «Здесь во дворе я увидел народ. Я здесь привык к нему и не боялся ни ругани, ни диких криков, ни лохматых голов, ни дюжих рук. Эти лохматые головы смотрели на меня очень

любовно. Мозолистые руки давали мне с добродушным подмигиванием и рубанки, и пилу, и топорик. Дюжие руки ломовых таскали меня в конюшни к лошадям, сажали на изъеденные лошадиные спины, гладили ласково по голове»¹.

В доме Шмелёвых лошади всегда были рядом с людьми, и отношение к ним было особенное. Послушайте, как описывает Иван Сергеевич одно из важных событий в жизни дома – подготовку к Великому посту:

Чтец: «Велено запрягать Кривую, едем на Постный рынок. Кривую запрягают редко, она уже «на спокойе», и её очень уважают. <...> Кривая очень стара. Возила ещё прабабушку Устинью, а теперь только нас катает, или по особенному делу – на Болото за яблочками на Спаса, или по первопутке – снежком порадовать, или – на Постный рынок. Антип не соглашается отпустить, говорит – тяжела дорога... Но Горкин уговаривает, что для хорошего дела надо, и всякий уж год ездит на Постный рынок, приладилась и умеет с народом обходиться, а Чалого закладывать нельзя – закидываться начнёт от гомона, с ним беда. Кривую выводят под попонкой, густо мажут копытца и надевают суконные ногавки. ... Кривая стоит и дремлет. Она широкая, тёмно-гнедая с проседью; по раздутому брюху – толстые, как верёвки, жилы. Горкин даёт ей мякиша с горкой соли, а то не сдвинется, прабабушка так набаловала. Антип сам выводит за ворота и ставит головой так, куда нам ехать. Мы сидим с Горкиным, как в гнезде, на сене. А Антип всё не отпускает:

¹ [Отрывок из автобиографии, написанной Шмелёвым И.С. в 1913 году] // *Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 10.*

преодоления трудностей поста. Чистая совесть перед Богом)

Ребята, вы знаете, почему Шмелёв назвал свою книгу «Лето Господне»? Слово «лето» здесь означает не время года, а целый год. Это старинное значение сохранилось во многих выражениях – церковном «многая лета», литературном, «смышлён не по летам» и в современном «много лет». Шмелёв показал жизнь своей семьи и окружавших его людей в последовательности сменяющихся друг друга времён года и связанных с ними православных праздников.

Начало лета – ещё не пыльная, свежая зелень на деревьях, цветы и радостный праздник рождения Церкви Господней – Троицын день.

Чтец: «...Солнце слепит глаза, кто-то отдернул занавеску. Я жмурюсь радостно: Троицын день сегодня! Над моей головой зелёная берёзка, дрожит листочками. У кивота, где Троица, тоже засунута берёзка. Это самый весёлый образ. Сидят три святые с посошками под деревцом, а перед ними яблочки на столе. Когда я смотрю на образ, мне вспоминаются почему-то гости, именины. Вчера Горкин мне говорил: «Завтра вся земля именинница. Потому – Господь её посетит. У тебя Иван Богослов ангел, а мой – Михаил Архангел. У каждого свой. А земли-матушки сам Господь Бог, во Святой Троице... Троицын день».

...На дворе стоит воз с травой. Антипушка с Гаврилой хватают её охапками и трясут по всему двору. Говорят, ещё подвезут возок. Я хожу по траве и радуюсь, что не слышно

Я вспоминаю горько, что и у меня не будет настоящего Праздника. Сказать или не сказать Горкину?

– Вот умница... и младенец, а умней Ондрейки-дурака, – говорит он, поокивая. – И будет тебе Праздник в радость.

Сказать, сказать! Мне стыдно, что Горкин хвалит, я совсем не могу дышать, и радостная скорлупка в луже словно велит сознаться. И я сквозь слёзы, тычась в коленки Горкину, говорю:

– Горкин... я... я... я съел ветчинки...

Он садится на корточки, смотрит в мои глаза, смахивает слезинки шершавым пальцем, разглаживает мне бровки, смотрит так ласково...

– Сказал, покаялся... и простит Господь. Со слёзкой покаялся... и нет на тебе греха.

Он целует мне мокрый глаз. Мне легко. Радостно светится скорлупка.

О, чудесный, далёкий день! Я его снова вижу, и голубую лужу, и новые доски мостика, и солнце, разлившееся в воде, и красную скорлупку, и жёлтый шершавый палец, ласково вытирающий мне глаза. Я снова слышу шорох еловых стружек, ход по доскам рубанков, стуки скворцов под крышей и милый голос...»⁶.

Библиотекарь: Ребята, почему за одну и ту же провинность Горкин рассердился на Андрейку, а Ванюшу похвалил? Какой смысл вкладывал Горкин в понятие «Праздник»? (*Возможность вкусно поест. Радость от*

⁶ Шмелёв И.С. Разговини // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 78-81.

– Ты, Михайла Панкратыч, уж не неволь её, она знает. Где пристанет – уж не неволь, оглядится – сама пойдёт, не неволь уж. Ну, час вам добрый»².

Библиотекарь: Казалось бы, пост – это время трудное, скорбное, полное ограничений, но и в нём Шмелёв находит много благодатного, радостного, полезного для человека. Кроме того, на время Великого поста приходится праздник, о котором он вспоминает с особой любовью: «...Я просыпаюсь рано, а солнце уже гуляет в комнате. Благовещение сегодня! В передней, рядом, гремит ведёрко и слышится плеск воды. «Погоди... держи его так, ещё убьётся...» – слышу я, говорит отец. – «Носик-то ему прижмите, не захлебнулся бы...»³.

Ребята, как вы думаете, что за шум разбудил маленького Ваню? Что происходило в доме Шмелёвых утром в праздник Благовещения? (*ответы детей*)

Библиотекарь: Много народных обычаев забылось и затерялось во времени. В старой России каждый церковный праздник имел помимо духовной и богослужебной части ещё одну сторону – народно-бытовую, связанную с календарём природы и крестьянским трудом. На праздник Благовещения выпускали на волю птиц, надеясь с их помощью испросить у Бога милости и благословения. (**Слайд 14. Икона Благовещения Пресвятой Богородицы**)

Если вы внимательно посмотрите на икону, то поймёте, какое Евангельское событие лежит в основе праздника. Да и

² Шмелёв И.С. Постный рынок // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 40-41.

³ Шмелёв И.С. Благовещенье // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 54.

само старинное название даёт нам подсказку – в нём отчётливо слышатся понятные современному человеку слова – благая весть. Какая же благая весть и кому была принесена более двух тысяч лет назад чудесным небесным посланником архангелом Гавриилом? – Это весть о скором рождении будущего Спасителя Иисуса Христа. Её, вместе с пальмовой ветвью, смиренно приняла будущая Мать Спасителя – дева Мария. Праздник этот приходит весной – 7 апреля, и в нём сливаются воедино и жажда тепла после долгой холодной зимы, и готовность к веселью после трудного поста, а главное – всепобеждающая радость ожидания Спасителя. Этой светлой, по-детски искренней радостью щедро делится с нами Иван Сергеевич Шмелёв.

Чтец: «... Во дворе сидит на крылечке Солодовкин с вязанкой клеток под чёрным коленкором. Он в отрёпанном пальтеце, кажется – очень бедный. Но говорит, как важный, и здоровается с отцом за руку.

– Принёс тебе, Сергей Иваныч, тенора-певца Усатова, из Большого театра прямо. Слыхал, ты его у Егорова в Охотном облюбовал. Сделаем ему лепетицию.

Солодовкин запускает руку под коленкор, там начинается трепыхня, и в руке Солодовкина я вижу птичку.

– Бери в руку. Держи – не мни... – говорит он строго. – Погоди, а знаешь стих – «Птичка Божия не знает ни заботы, ни труда»? Так, молодец. А – «Вчера я растворил темницу воздушной пленницы моей»? Надо обязательно знать, как можно! Теперь сам будешь, на практике. В небо гляди, как она запоёт, улета. Пускай!..

хозяйский счёт... все по четвёрке съедят колбаски жареной. Нельзя. Праздник...

... Большая лужа всё ещё в полдвора. По случаю праздника настланы по ней доски на брёвнышках и сделаны перильца, как сходы у купален. Идём по доскам и смотримся. Вся голубая лужа, и солнце в ней, и мы с Горкиным, маленькие, как куколки, и белые штабели досок, и зеленеющие берёзы сада, и круглые снеговые облачка.

– Ах, негодники! – вскрикивает вдруг Горкин, тыча на лужу пальцем. – Нет, это я дознаюсь... ах, подлецы-негодники! Разговелись загодя, подлецы!

Я смотрю на лужу, смотрю на Горкина.

– Да скорлупа-то! – показывает он под ноги, и я вижу яичную красную скорлупу, как она светится под водой.

На меня веет Праздником, чем-то необычайно радостным, что видится мне в скорлупе, – светится до того красиво! Я начинаю прыгать.

– Красная скорлупка, красная скорлупка плавает! – кричу я.

– Вот поганцы... часу не дотерпеть! – говорит грустно Горкин. – Какой же ему Праздник будет, поганцу, когда... Ондрейка это, знаю разбойника. Весь себе пост изгадил... Вот ты умник, ты дотерпел, знаю, и молочка в пост не пил небось?

– Не пил... – тихо говорю я, боясь поглядеть на Горкина, и вот на глаза наплывают слёзы, и через эти слёзы радостно видится скорлупка.

Мы сидим на дворе, на брёвнах, и, подняв головы, смотрим на новенький скворешник. Такой он высокий, светлый, из свеженьких дощечек, и такой яркий день, так ударяет солнце, что я ничего не вижу, будто бы он растаял, – только слепящий блеск.

– Пойдём, дружок, по хозяйству чего посмотрим, распорядиться надо...

Мы проходим в угол двора, где живёт булочник Воронин. В сарае, на погребнице, мнут в глубокой кадлушке творог. Мнёт сам Воронин красными руками, толстый, в расстёгнутой розовой рубахе. Медный крестик с его груди выпал из-за рубахи и даже замазан творогом. И лоб у Воронина в твороге, и грудь.

– Для наших мнётся-то? – спрашивает Горкин. – Мни, мни... старайся. Да изюмцу-то не скупись – подкидывай. На полтораста душ, сколько тебе навару выйдет! Да сотню куличиков считай...

Горкин потягивает носом, и я потягиваю. Пахнет настоящей пасхой!

– А чего на разговины-то ещё даёте? – спрашивает Воронин. – Я своим ребятам рубца купил.

– Что там рубца! Это на закуску к водочке. Грудинки взял у Богачёва три пудика, да студню заготовили от осьми быков, во как мы! Да лапша будет, пшеник с молоком. Наше дело тяжёлое, нельзя. Землекопам особая добавка, ситного по фунту на заедку. Каждому по пятку яичек да ветчинки передней, да колбасники придут с прижарками, за

Я до того рад, что даже не вижу птичку – серенькое и тёпленькое у меня в руках. Я разжимаю пальцы и слышу – пырхх... но ничего не вижу. Вторую я уже вижу, на воробья похожа. Я даже её целую и слышу, как пахнет курочкой. И вот она упорхнула вкось, вымахнула к сараю, села... – и нет её! Мне дают и ещё, ещё. Это такая радость! Пускают и отец, и Горкин. А Солодовкин всё ещё достаёт под коленкором. Старый кучер Антип подходит, и ему дают выпустить. В сторонке Денис покуривает трубку... Отец зовёт: «Иди, садовая голова!». Денис подскакивает, берёт птичку, как камушек, и запускает в небо, совсем необыкновенно. Въезжает наша новая пролётка, вылезают наши и тоже выпускают. Проходит Василь Васильич, очень парадный, в сияющих сапогах – в калошах, грызёт подсолнушки. Достаёт серебряный гривенник и даёт Солодовкину: «Ну-ка, продай для воли!». Солодовкин швыряет гривенник, говорит: «Для общего удовольствия пускай!». Василь Васильич по-своему пускает – из пригоршни⁴.

Библиотекарь: Во многих храмах в наши дни начинают возрождать этот почти забытый старинный обычай, только выпускают не певчих птиц, а голубей. Во времена Шмелёва, когда было мало развлечений, птиц часто держали дома и очень любили слушать их пение. Нелегко поймать птичку, нелегко научить её повторять мелодии, для этого нужно обладать особым даром, и даже талантом. Раньше в России этим занимались птицеловы – люди

⁴ Шмелёв И.С. Благовещенье // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 57-58.

необычные, увлечённые своим делом до одержимости. Конечно, встречались среди них и такие, которые ловили и сбывали птиц ради денег, но настоящие птицеловы, такие как Солодовкин в книге Шмелёва, казались людьми из другого мира, причастные и к загадочным тайнам природы, и к высоким тайнам искусства. Они так отличались от остальных людей, что привлекали внимание писателей и художников. Посмотрите на эту картину. *(Слайд 15)* Её автор, талантливый русский художник Василий Перов, родился на полвека раньше Шмелёва и не мог читать его книг, но разве образ, созданный им на знаменитой картине «Птицелов», не напоминает вам шмелёвского Солодовкина?

Много профессий, востребованных в обществе в течение долгого времени, постепенно сошли на нет и были утрачены за ненадобностью. Кто сейчас помнит водовозов и трубочистов, пыльщиков и истопников, а ведь все они были необходимы, когда не было водопровода и парового отопления. Мастера своего дела, они носили специальную одежду и имели неповторимый узнаваемый облик. В 1997 году, когда в Москве отмечали 850-летие столицы, издательство «Детская литература» выпустило книгу «Лето Господне» в необычном оформлении. Иллюстрации представляли собой не рисунки художников, а подборки старинных фотографий, воссоздающих атмосферу шмелёвской Москвы и её обитателей. Посмотрите на фотографии и попробуйте угадать, чем занимались эти люди. *(Слайды 16-25)*

А вот ещё какие профессии перечисляет Шмелёв, описывая сцену, в которой отец поздравляет с Пасхой работников своей артели: «Отец нарядный, посвистывает. Он стоит в передней, у корзин с красными яйцами, христосуется. Тянутся из кухни, гусем. Получают яйцо и отходят в сени. Долго тянутся – плотники, народ русский, маляры – посуше, порыжее... плотгоны – широкие крепыши... тяжёлые землекопы-меленковцы, ловкачи каменщики, водоливы, кочегары...»⁵.

Пожалуй, из всех этих названий самое понятное – землекопы. А чем же занимаются плотники и плотгоны, каменщики и кровельщики? Вам известно, кто такие водоливы? *(Объяснения содержатся в словаре. См. приложение)*

Милый Горкин, с такой теплотой описанный Шмелёвым, за долгую преданную службу получивший особое уважение и доверие отца, тоже владел рабочей профессией – он был плотник-филёнщик. Про искусную, тонкую работу говорят «филигранная». Именно так работал Горкин – безусловно чисто, на совесть, именно так старался жить. От этого простого, искреннего, не образованного, но по-житейски мудрого человека принял маленький Ваня первые уроки справедливости, правды, доброты.

Чтец: «– Поздняя у нас нонче Пасха, со скворцами, – говорит мне Горкин.

⁵ Шмелёв И.С. Пасха // Лето Господне / И.С. Шмелёв. – М.: Дет. лит., 2009. – С. 75.